

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ШВАТ - АДАР 5771

ПЕТРОЗАВОДСК

№ 151

ФЕВРАЛЬ 2011

Русские и евреи

Адин Штейнзальц

Множество профессионалов посвятили разработке вопроса о взаимном влиянии иудаизма и русской культуры долгие годы и разбираются в ней гораздо лучше меня. На эту тему написана масса книг, научных и популярных. Но мне важно донести до читателя свое субъективное мнение небезразличного человека - уж очень болезненной является она для многих носителей этой самой культуры, в том числе и среди моих сограждан. Об обстоятельствах и времени первой встречи двух культур, еврейской и русской, мы ничего не знаем - как видно, потому, что для обеих сторон это событие не было столь уж значимым; по крайней мере, в тот момент его никто таковым не считал. У меня нет четких свидетельств, и я вообще сомневаюсь в существовании подобных, но поскольку предки русских были язычниками, то, как следствие, первое знакомство с евреями не могло их особо впечатлить. Странный народ со своими странными обычаями - ничего особенного... Подлинно значимая встреча русских с евреями произошла благодаря знакомству первых с Танахом, Библией. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что именно это событие стало поворотным пунктом в истории русского народа. Несмотря на бесспорную изначальную чужеродность Книги для древних славян, встреча с ней определила все их дальнейшее культурное развитие; ей удалось проникнуть, вписаться в русскую культуру, стать не просто органичной ее частью, но основой. Если бы какому-нибудь безумцу пришло в голову извлечь из русской культуры все так или иначе связанное с еврейством, он вряд ли обрадовался бы полученному результату. Но в русской культуре в целом и в литературе в частности можно подметить интересную тенденцию: евреи - некая побочная тема, им не уделяется особое внимание, а если они все же упоминаются, то, как правило, в пренебрежительном или в негативном контексте. Все же не эта тема занимала русскую культуру, находились и более важные - исключением является разве что русская православная церковь с ее развитым теологическим антисемитизмом.

Однако, в самой природе русских есть нечто, вызывающее их интерес ко всему еврейскому. Я могу привести тому доказательство исторического характера, наглядно иллюстрирующее это мое утверждение - и, кстати, объясняющее, почему православная интеллигентская верхушка всегда относилась к евреям с неприятием, очень похожим на иммунную

реакцию. Это становится понятным, если допустить, что она воспринимала еврейство как внутреннюю, а не внешнюю духовную угрозу. Одной из непосредственных причин введения запрета на проживание евреев на территории Российской империи, продержавшегося до раздела Польши в восемнадцатом веке, было появление ереси "жидовствующих", т.е. внезапно проснувшегося массового интереса к иудаизму. Интересно, что все разнообразные формы, которые принимало это явление, возникли не в результате контактов между народными массами, а как следствие знакомства русских с отдельными евреями. И тот факт, что ересь "жидовствующих" в кратчайшие сроки охватила достаточно широкие круги, достигнув подножия трона, самых высоких сфер русской аристократии и церкви, я могу объяснить только наличием некой внутренней потребности, неуемной тяги, которая была у этого народа к еврейству. Есть книга, написанная анонимным еврейским автором, который скрыл свое имя, чтобы избежать нападок и преследований, посвященная именно этой теме: "Мудеизации" русских людей в начале девятнадцатого века. Я сейчас говорю отнюдь не о субботниках и иных иудействующих сектах, хотя это явление само по себе достаточно интересный феномен, а о людях, ставших евреями в той мере, насколько они могли, насколько это было в их силах. В этой книге, например, описывается, что в начале девятнадцатого века массовый переход донских казаков в иудаизм воспринимался буквально как поветрие, вызвавшее репрессии правительства. У русской духовности фундаментальные, а не поверхностные основы. По неизвестным причинам русский народ несет в себе какую-то совершенно иррациональную тягу к духовности. Я отнюдь его не идеализирую. Алкоголиков и воров среди русских не меньше, чем у других народов, но, тем не менее, наличие этих и многих других пороков не отменяет стремления к духовности. И эта непреодолимая экзистенциональная тяга к вещам духовного порядка парадоксальным образом привела к тому, что русские потянулись к евреям, а затем, испугавшись

происходящего, начали защищаться и, в конце концов, отвергать их.

В русской культурной традиции принято рассматривать свой народ в качестве носителя вселенской мессианской идеи. Я вижу точку пересечения мессианских стремлений русских с еврейским мессианством, в отличие от претензий на право повелевать миром многочисленных народов, уверенных в своем превосходстве над всеми. Мессианство - нечто совершенно иное, это ощущение, что на твой народ возложена великая миссия духовного исправления мираоздания. И то, что когда-то евреи вместе с русскими в едином порыве бросились строить коммунизм, мне представляется прямым следствием этого ощущения ответственности перед человечеством. Я уверен в том, что, по крайней мере, еврейские коммунисты находились под влиянием именно этих мессианских чаяний. Так что взаимовлияние и взаимопроникновение двух наших цивилизаций, двух культур не сводится к одному лишь языковому обмену или некоему понятийному аппарату; отношении евреев с русскими определяются более интимной, духовной близостью.

Я подчеркиваю, что эти строки субъективны, но мне кажется, что русский народ в массе своей не болен антисемитизмом. Есть народы, для которых антисемитизм - это нечто впитанное с молоком матери. Например, в Польше юдофобия - некое эндемическое явление, проникшее своими корнями глубоко в культуру. Полагаю, что в значительной степени то же относится и к Украине. В России же, как мне кажется, антисемитизм - это привнесенное сверху, а не спонтанно возникшее в низах явление. Я не знаю о том, какими были русские когда-то, у истоков своего возникновения как народа. Кем они себя осознавали? Как воспринимали мир? Какова была их культура? Но встреча русского народа с еврейством создала новую реальность, сработала, словно спусковой крючок. Хорошо это или нет - не знаю. И все-таки я вижу, что есть какие-то глубинные процессы, которые и вызвали к жизни совершенно удивительное, нехарактерное для других диаспор отношение евреев к русской культуре, к русскому народу, среди которого они живут. Я не уверен, что это хорошо для евреев или для русских. Но это так.

"РИСКНУЛ И НЫРНУЛ В ДЖАЗ..." (О деятельности Леопольда Теплицкого)

В мае 2002 года на сцене петербургской Академической капеллы им. М.И. Глинки прошел джазовый вечер, который отметил 75-летие первого концерта джаз-бэнда, созданного Леопольдом Яковлевичем Теплицким (1890-1965), концерта, который был осуществлен именно в этом зале в далеком 1926 году. Питерские музыканты выступили, чтобы поблагодарить тех первых, кто, по сути, не знал бруду, "риснул и нырнул в джаз", - так выразился ведущий программы Владимир Фейертаг. Нельзя сказать, что о Теплицком-джазмене сегодня забыли совсем, хотя известно о нем очень мало. Как выдающийся джазовый музыкант он, конечно, не состоялся, но он "первый в нашей стране ввел джазовую музыку в концертные залы", и уже за это перед ним можно снять шапку. Однако Теплицкий немало потрудился и на ниве классического искусства, став одной из ключевых фигур в становлении и развитии профессиональной музыки Карелии. Он создал там симфонический оркестр и более тридцати лет находился в центре всех главных музыкальных событий.

Л.Я. Теплицкий родился 27 февраля 1890 года в местечке Смело недалеко от Екатеринослава (будущий Днепропетровск) Киевской губернии в многодетной семье еврейского портного, перебравшегося затем в Екатеринослав и работавшего там в магазине готового платья Рагинского. Леопольд, как одному из старших, пришлось начать трудовую жизнь двенадцатилетним мальчиком, ибо на одиннадцать душ детей отцовского заработка не хватало: "Я начал помогать отцу в портняжном деле. Но совершенно случайно у меня обнаружились музыкальные способности, и меня начали учить музыке наши соседи [музыканты]. И через год я поступил в музыкальную училище в г.Днепропетровске. Прочувствовал около трех лет, я должен был оставить учебу, так как наша семья очень нуждалась... Я нашел себе работу в оркестре, с которым... уехал в Симферополь... В 1908 году я приехал в г. Харьков и решил возобновить занятия по музыке, так как годы становления... убедился, что как музыкант я еще очень слаб, и я поступил в Харьковское музыкальное училище, которое в 1914 г. окончил отлично".

Не только музыка владела Теплицким в эти годы, были и события совсем иного характера. Драматично пережила семья еврейские pogromы 1905 года: перенес нервный приступ, отец лишился трудоспособности, что, естественно, усугубило их материальное положение. Наверное, это сыграло свою роль в том, что 18-летний юноша приобщился к стихии политической борьбы. В 1908 году в Ялте он был арестован "за распространение нелегальной литературы. При обыске нашли дома револьвер и нелегальную литературу. Судил одиннадцать месяцев... Допрашивали меня генерал Думбадзе - (верески били)". Так для Теплицкого прозвенел первый "звонок" в драме столкновения с властями.

Но он мечтал продолжить музыкальное образование и в год окончания училища поехал в Петербург (1914). Эта дата зафиксирована в трудовой книжке как время приема на работу в качестве дирижера в столичном кинотеатре "Люкс". В 1915 году Теплицкий поступил на фортепианистский факультет консерватории, в которой проучился 10 лет. Это необычно, и в Автобиографии Леопольд Яковлевич сам отвечает на невольно возникающий вопрос: перед выпускным экзаменом у него "заболели пальпы" (что продолжалось 12 лет!) и он "перешел на другой факультет - к инструментам и композиции!".

На протяжении всех лет учебы в консерватории Теплицкий продолжал работать пианистом, а с 1917 года дирижером в системе Севзапкана (позже Севкнико), сопровождая демонстрацию "великого немого". Эти должности требовали от музыканта и вкуса, и спортивности, и тщательной подготовки к показу кинолент.

Видимо, на том поприще Теплицкий раскрылся как незаурядный музыкант. Весной 1926 года Наркомпрос (в документах упоминается А.В. Луначарским как непосредственный автор идеи) направляет Леопольда Яковлевича в Соединенные Штаты Америки - в Нью-Йорк и Филадельфию - с целью изучения музыки для иллюстрации немых фильмов (так этот факт трактовался самим Теплицким в автобиографиях). Но одновременно выполнялись и другие обязанности. В его распоряжении была небольшая группа музыкантов, с которой он выступал в русском павильоне на Международной выставке в Нью-Йорке.

По отзывам дочери Этели Леопольдовны, Теплицкий, будучи человеком увлекающимся, "легко загораются", быстро вошел во вкус не только полученного задания, но и вообще американского стиля жизни, обзавелся собственным автомобилем и, видимо, чувствовал себя вполне благополучно. На одной из фотографий он запечатлен на фоне этого показателя американского стендинга. Вообще прибывании Теплицкого за границей практически нет никаких точных данных, кроме фотографий, и именно эти снимки приоткрывают некоторые факты его американской жизни.

Известно, что Леопольд Яковлевич периодически музенировал с американскими джазовыми исполнителями, а в недавней статье Евгении Федяшевой предлагается еще одна трактовка цели поездки в Америку: "... он был командирован в Америку Наркомпросом на стажировку в оркестр "Короля джаза" того времени Поля Уайтмена". В итоге "Леопольд Яковлевич вернулся в Ленинград с чемоданом уайтменовских

аранжировок, чемоданом грампластинок... ". Очевидно, уже за оксаном в его сознании утвердилась мысль о создании своего джаз-оркестра, за что он сразу и взялся по возвращении на родину.

Теплицкий обладал незаурядным организаторским талантом, объединив вокруг себя довольно разных музыкантов, в том числе консерваторских преподавателей, поэтому оркестр получил прозвище "джаза профессоров". 28 апреля 1927 года созданный им "джаз-банд" дал тот самый первый концерт. Теплицкого поддержали многие музыканты и деятели искусства, в том числе и тогдашний глава Ассоциации современной музыки Иосиф Шилингер.

Программу концерта составили оригинальные джазовые пьесы и джазовые обработки популярных фрагментов русской и западной классики. 30 апреля "Красная газета" (вечерний выпуск) поместила на этот концерт отзыв А.Римского-Корсакова (сына великого композитора), констатирующего, что "выступление недурно сыгравшегося первого концертного джаз-бэнда прошло с успехом у публики". Однако общий тон высказывания совсем не носил характера комплимента. И все таки был успех, было признание, было желание внедрить джаз в повседневность. Теплицкий пригласил в оркестр замечательную негритянскую певицу Коретти Арле-Гиц, которая с 1913 года жила в России, выйдя замуж за пианиста Бориса Тица. Коретти обладала красивым драматическим сопрано, пела классику, особенно любила Шуберта, Шумана, а из русской музыки - Чайковского и Рахманинова. Современные композиторы - М. Гнесин, М. Ипполитов-Иванов писали для нее и посвящали ей свои вокальные опусы. Она могла бы стать выдающейся певицей. Но в условиях советской России цвет ее кожи стал средством политической пропаганды. Программы, о которых она мечтала, не могли реализоваться, она должна была выполнять идеологический заказ.

Участие Арле-Гиц в концертных программах несомненно украшало их и придавало определенную пикантность. Кроме нее в оркестре Теплицкого пел Леонид Утесов. Об этом он вспоминал в своей книге "С песней по жизни". Достойно сожаления, что в ней названы псевдевые инициалы Теплицкого (фамилия Л.Я.-Я.В.), но певец правильно оценил роль Леопольда Яковлевича, назвав его "первым из отечественных музыкантов, кто показал у нас джазовую игру". И это действительно так. Хотя первооткрывателем джаза у нас был В.Ларин, создавший в 1922 году "Первый в России эжектантский оркестр - джаз-банд", но в этом коллективе на самом деле преобладала эксцентрика, в то время как Теплицкий стремился к классическому джазу.

Те, кто знал Теплицкого, вспоминали, что до конца жизни он блестяще разыгрывал ритмы и с настолтическим чувством иногда посещал ресторан "Северный" в Петрозаводске - единственное место в 50-60-е годы, где можно было услышать джазовую игру в исполнении канадских финнов, эмигрировавших в Советский Союз.

Но вернемся к 1927 году.

Были у Теплицкого и творческие проблемы. Первый пианист джаз-бэнда Борис Вольман вспоминал, что "оркестровки были довольно однообразны, звучавшие один за другим фокстроты воспринимались с трудом". Летом оркестр совершил большую гастрольную поездку по городам юга страны. Но осенью он распался. Как пишет Фейертаг, "профессора вернулся на работу в консерваторию, а Теплицкий возвратил один из симфонических составов города и более к джазу не возвращался". К джазу как таковому он действительно не возвращался, но джазовая стихия по-прежнему влекла его. Сохранилась афиша джаз-концерта, состоявшегося в 1933 году в Петрозаводске (точная дата, к сожалению, отсутствует), где под управлением Теплицкого исполнялись фрагменты из американских оперетт.

Возвращение к классическому дирижированию было для Теплицкого естественным шагом. Работа с оркестром в кинематографе, окончание консерватории по этой специальности (помните, что он учился у выдающегося педагога-дирижера Эмили Купера, прославившегося своим искусством по всему миру), периодические выступления в музыкальных театрах (в архивном фонде Теплицкого хранится программа спектакля Государственного академического театра оперы и балета (Мариинского) "Лебединое зеро" от 30 мая 1920 года, которым дирижировал Леопольд Яковлевич) - все это было для него привычным. Но в однажды все рухнуло.

В 1930 году Теплицкий был арестован и приговорен к трим годам колонии. Скорее всего, по поводу стала поездка в Штаты. И не только сам данный факт. В Америке жили, гонимые погромами 1905 года, дядя Ф.Нью-Йоркса и тетя Ф.Филадельфии. Теплицкий позволил себе повидаться с ними. Для ареста и определения его американским шпионам этого было вполне достаточно. Так он оказался на строительстве Беломорско-Балтийского канала, где починали строить бараки. Затем был перевезен в город Медвежьегорск. И тут помогла принадлежность к искусству: он становится дирижером в драматическом театре заключенных, иногда исполняет танцевальные обязанности в кинотеатре. За успехи в работе был неоднократно премирован и в итоге как "ударник" досрочно освобожден в 1932 году, что также подтверждает его невиновность.

Возвращение в Ленинград было кратковременным: устроиться на работу бывшему полизнакомленному было невозможно, он не имел права жить и работать здесь по определению. Видимо, у него были какие-то связи с Петрозаводском, и он сделал попытку устроиться там, что увенчалось успехом. Так начался новый этап жизни Теплицкого, прочно и до конца жизни связавший его с Карелией.

Тридцатые годы - очень важный для северной республики период становления профессионального искусства. Здесь дирижерское мастерство Теплицкого оказалось максимально востребованным. Он становится одной из ведущих фигур профессионального музыкального строительства. В 1933 году при республиканском Радиокомитете организуется небольшой симфонический оркестр, дирижером и художественным руководителем которого становится Леопольд Яковлевич. Когда в 1935 году постановлением Совнаркома республики симфонический оркестр переводится в ведение Филармонии, его

главным дирижером остается Теплицкий.

В 1936 году в Петрозаводске Центральным домом культуры открылся первый в Карелии университет музыкальной культуры. Его концерты проходили под патронатом и художественным руководством Ленинградской филармонии, в программах принимали участие ленинградские исполнители, в том числе дирижеры, но многими произведениями дирижировал Теплицкий. Тогда же он принял непосредственное участие в создании национального ансамбля песни и танца "Кантеле", а в последующие годы периодически руководил его оркестром. Он также стал преподавать в открывшемся в Петрозаводске Театральном (впоследствии Музыкальном) училище (1938), до конца жизни не оставляя там педагогической работы. Одним из его учеников стал будущий создатель карельского национального балета "Сампо" и многих других знатчительных произведений Гельмер Синисло.

Сложившийся жизненный и творческий уклад был резко нарушен 1941 годом. Война заставила Теплицкого эвакуироваться в Киргизию. Здесь ему пришлось поработать в разных городах и организациях, но его деятельность в той или иной мере всегда была связана с музыкой.

В год Победы по вызову Совнаркома Карельской АССР Леопольд Яковлевич вернулся в Петрозаводск и был зачислен главным дирижером в ансамбль "Кантеле"; с 1948 года он опять главный дирижер симфонического оркестра, который создает фактически заново. В 1947 году он получил почетное предложение принять участие в музикальном оформлении физкультурного парада на Московском стадионе "Динамо" и открывал парад исполнением своего "Горжественного марша", дирижируя симфоническим оркестром в 1200 музыкантов.

1959 год связан для Карелии с проведением самой представительной Декады Карельского искусства в Москве, и Теплицкий, конечно же, принимает в ней участие. Вообще в столицах Леопольд Яковлевич знал и ценил. В Автобиографии он не без гордости приводит такие факты: "В 1920 г. в г. Ленинграде на мои долю выпало счастье дирижировать в присутствии В.И. Ленина на Втором конгрессе Коминтерна в театре оперы и балета им. С.М. Кирова"! Второе подобное событие произошло в 1927 году на XV съезде партии в присутствии И.В. Сталина. И затем, в 1947-м, он открывал физкультурный парад на стадионе "Динамо", где на трибунах сидели члены Политбюро и Правительства. Сейчас к этому можно относиться по-разному, но однозначно - кого попало на такие мероприятия не приглашали, значит, в его исполнительских достоинствах сомнений не было.

Но была еще одна сфера, без которой характеристика Леопольда Яковлевича окажется неполной. Он находился в числе тех, кто стоял у колеса композиторской организации Карелии. Им создано сравнительно немного произведений, большинство из них - на народные мелодии. Создание большинства произведений на народные темы оправдано временем - эти жанры характерны для этапа становления профессиональной культуры, они должны были утвердить национальную стилистику. Для этого Теплицкий много сделал. Кроме того, он, несомненно, был мастером инструментов. В архивах хранится оркестровка Теплицкого Гимна Советского Союза с автографом автора - А.В. Александрова.

Вклад Теплицкого в отечественную музыкальную культуру нужно оценивать с двух сторон - его роль в становлении карельской профессиональной музыки, а также тем, что он был зачинателем советского джаза. Последние ученики Леопольда Яковлевича по музыкальному училищу со временем реализовали неслыханные заветы учителя. Они не только открыли джазовое отделение в училище, но и создали в Петрозаводске Международный джазовый фестиваль "Звезды и мы", занявший видное место в этой сфере современного искусства. И, конечно, не случайно в 2002 году этому фестивалю было присвоено имя Леопольда Теплицкого. И отдавал должное заслугам Леопольда Яковлевича перед карельским музыкальным искусством, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

(Полный вариант статьи на сайте <http://www.21israel-music.com/Teplytsky.htm>)

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЭТ ФРАНСУА ВИЙОН в переводах И. Эренбурга и В. Жаботинского

Гарри Лак

Франсуа Вийон родился в 1431 году и умер позднее 1463. В его поэмах, насыщенных автобиографическими данными: "Малое завещание" (1456) и "Отрывки из большого завещания" (1462) отражают сцены из жизни парижских низов. Ф. Вийон вел образ нищего и бродяги, своеобразный "хиппи" XV века. Мотивы одиночества и смерти в его произведениях сочетаются с дерзкими проявлениями земных радостей, ироническим отрицанием "здравого смысла" и аскетического идеала.

"Новая Иллюстрированная Энциклопедия".
Москва, 2007, кн.2

Илья Григорьевич Эренбург (1891-1967), будучи широко известным писателем советского времени, поражает, особенно сейчас, произведениями, не вписывающимися в идеологию, проводимую ЦК Коммунистической партией во главе с И.В. Сталиным и, в то же время, оставаясь абсолютно безнаказанным. Так в 20-х годах прошлого столетия он отличается публичным неприятием войны, революционного террора и ее диктатуры, пороков буржуазного мира и многих советских реалий. Его последующие романы ("Падение Парижа", 1941; "Буря", 1947) очень публицистичны. Названные повести "Оттепель" (1954-1956) стало метафорическим определением очень короткого ностальгического периода. Художественные мемуары "Люди, годы, жизнь" (1961-1965) признаны им не были завершены. Широко известна его разящая, яркая антиеврейская публицистика 1914-1917 годов, антибольшевистская 1917-1920 и особенно антифашистская 1936-1945 годов. Совместно подготовленная с В. Гроссманом рукопись "Черная книга" о Холокосте была изъята властями в 1947 году (полностью издана в 1993), однако это не помешало И. Эренбургу снова стать лауреатом Сталинской премии в 1948 году (первую премию он получил в 1942 году).

Там же, кн.10

Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880-1940) писатель, публицист, один из лидеров и идеологов сионистского движения. Автор множества публикаций на разных языках по проблемам еврейства и сионистского движения, статей и фельетонов на общие темы, переводит на иврит произведения классиков европейской и американской литературы: Данте, Гёте, Э По и др. Инициатор создания отрядов самообороны для противостояния погромам, имевшим место в царской России. Участник создания "Союза для достижения полноправия еврейского народа в России" (1905). В годы Первой Мировой войны (1914-1918) сформировал Еврейский легион в составе британской армии. Создатель и глава "Новой сионистской организации" (1935). Осуждал революционный террор, боролся за идею национального самосознания российского еврейства. Автор романов "Самсон Назорей" (1926) и "Пятро" (1936). В первом романе Жаботинский использует в качестве сюжета библейскую историю о богатыре Самсоне, рисует трагический (во многом автобиографический) образ вождя, отдавшего весь свой горячий темперамент борьбе за освобождение угнетенного народа, не способного понять его размах и величие его устремлений.

Там же, кн.3

В долине известнейшей реки Франции Луары, протяженностью в тысячу километров, протекающей по средней части страны, где расположено множество древних крепостей, живописно раскинувшихся вдоль долины реки, находится древний замок, сыгравший не малую роль во французской истории и, как ни странно, принесший славу французской поэзии. Сюда в 1441 году, после английского пленя, удалился отец Людовика II Валуа, герцог Карл Орлеанский и одновременно известнейший в то время поэт. Благодаря ему замок Блуа стал местом паломничества поэтов, в нем проводились поэтические турниры, победителем которых, по праву, становился сам хозяин замка.

В один из вечеров стражники замка доложили герцогу, что у ворот бояться бродяги и требует, чтобы его немедленно проводили к Карлу Орлеанскому. Прежде, чем отдать приказ гнать бродягу, герцог все же спросил, а как его зовут. Вийон - ответили стражники. Последовал приказ герцога его немедленно впустить и поселить в отдельный флигель, а слугам был дан приказ исполнить все его желания.

Через какое-то время был объявлен очередной поэтический турнир, на котором Карл Орлеанский предложил всем желающим известным поэтам принять участие и написать балладу, в которой первая строчка должна была звучать следующим образом: "От жажды умираю над ручьем". Естественно, что в этом состязании принимал участие и Франсуа Вийон. Им была написана "Баллада поэтического состязания в Блуа", не имевшая тогда себе равных.

Прошло пять столетий. Сегодня известны два перевода "Баллады..." на русском языке, сделанные И. Эренбургом (1916) и Жаботинским (1932). В Жаботинском, создав свое видение "Баллады..." на русском языке, с большой долей иронии пишет своему другу и поэту Шиндеру: "Человек сам чувствует в процессе творчества, что он создает: позицию или ремесленную подделку. Когда я пишу публицистику, я чувствую себя художником: плохим или хорошим, это вопрос другой, но во всяком случае, одним из клана художников. Когда я пишу стихи, я чувствую себя столяром, владеющим ремеслом". В Жаботинском, конечно же, не был ремесленником, в равной степени каким не были и И. Эренбург. Остается лишь загадкой, почему два таких разных российских еврея-писателя прикоснулись столь глубоко к поэзии французского поэта, да еще XV века? Вот они, эти два разных и в то же время столь схожих перевода:

И. Эренбург

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и трукаусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом.
Чужбина мне - страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне и людям всего понятней тот,
Кто лебедину вороном зовет.
Я сомневалась в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ,
Я всеми признан, изгнан отовсюду.
Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю,
Я ниц, и я кикусь своим добром.
Тресцит мороз - я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рага,
Зажгут костер - и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.

Запомню шутку и вдруг забуду,
И для меня презрение - почест,
Я всеми признан, изгнан отовсюду.
Не вижу я, кто бродит под окном.
Но звезды в небе ясно различаю.
Я ночью бодр и засыпаю днем.
Я по земле с опаском ступаю.
На вехах, в тумане, довсряю.
Глухой меня услышит и поймет.
И для меня полны горши мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми признан, изгнан отовсюду.
Не знаю, что длиннее - час или год,
Ручей или море переходят вброд?
Из раб я уйду, в ад побуду.
Отчаянье мне веру придаст.
Я всеми признан, изгнан отовсюду.

В. Жаботинский

Я у ручья томлюсь, палимый жаждой;
Огнем горю, от стужи трепеща,
На родине, где звук и вид мне каждый
Далек и чужд. Лохмоты и парча;
Гол, как червяк, в одежде богача.
В слезах смеюсь. Хочу лучай и грома.
Жду новизны, что мне давно знакома,
Радуюсь, съедаемый тоской.
Я всемогущ, бессилен, как солома;
Я званный гость у всех, для всех изгой.
Я убежден лишь в том, что непонятно,
И только то, что явно, мне темно.
Мне кажется обычным, что превратно;
Сомнительным, что ведомо давно.
Всегда везет - а счастья не дано.
"Настала ночь", - шепчу я на рассвете.
Страшусь упасть, лишь лягу на покой.
Вельможный мот, голодный и скупой,
Наследник царств, которых нет на свете,
Я званный гость у всех, для всех изгой.
Гоняюсь за всем, что только взор увидит,
И не хочу, постыдлюсь все вокруг.
Кто доброе мое скажет, тот обидит,
Кто подтолкнет на гибель - лучший друг.
Кто мне скопал, что топь - укромный луг,
Что ворон злы есть лебедь благородный,
Тот будет мне наставник пустеводий.
Ложь для меня лишь правды лиц другой.
Все видел, слеп. Творю, навек бесплодный.
Я званный гость у всех, для всех изгой.
Принц, это все, конец моей балладе
О неуче под грузом книжной клади,
О барине, родившемся слугой;
А смысл ее? Подайте Христа ради -
Я званный гость у всех, для всех изгой.

Как уже отмечалось, впервые перевод Эренбурга поэмы Вийона был опубликован в 1916 году, перевод Жаботинского - в 1932. Разрыв в годах огромен не в смысле прошедших лет, а по значимости событий, которые произошли в мире за это время.

И. Эренбург, русско-советский писатель, для которого всегда понятие сионизма было чуждо и в Жаботинский, который всеми силами Богом данного ему таланта борется за право самоопределения своего народа. И как странно, оба они чувствуют французского поэта одинаково: "Я всеми признан,

изгнан отовсюду" и "Я званный гость у всех, для всех изгой". Не эти ли строки являются ключевыми для понимания своего места в мире: можно быть Ротшильдом или Высоцким (найти магнат и не только в царской России), Левитаном или Альтманом, Мандельштамом или ПаSTERNAKом, и тем не менее, оставаться чужим, казалось бы, в своей же стране.

Годы, когда Эренбург увлекся переводом на русский язык средневекового французского поэта Вийона совпали с его увлечением европейским средневековьем в лице ряда католических писателей и, что особенно важно, дружбой с Максом Жакобом (1876, Кемпфер, Франция - 1944, концлагерь Дранси во Франции), французским писателем и художником, который в своем сборнике "Стакан костяшек" (1909) мистически предвидел свою собственную "безмерно свирепую и коричневую" смерть. Под влиянием мистических видений М. Жакоб, будучи евреем и по национальности, и по вероисповеданию перешел в католичество (1915). Крестным отцом при этом был Пикассо. Он несколько раз на разные сроки удалялся в монастырь. Продолжая считать себя евреем, Макс Жакоб остро переживал конфликт между христианством и еврейством. Его влияние на И. Эренбурга было настолько велико, что он решает принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь, но продолжающаяся Первая Мировая война с ее жертвами и разрушениямиоказала сильное воздействие на поэта и писателя, обострила его конфликт с действительностью и усилила присущее ему настроение скептицизма. Он отказывается от своего замысла перехода в католичество. В свет выходит его сборник "Стихи о канунах" (1916), пронизанный резким неприятием войны. Сборник получил высокую оценку В. Брюсова: "Для Эренбурга стихи - не забавы и, конечно, не ремесло, но дело жизни..."

По мнению известного литератора первой половины прошлого века Е. Витковского, оба перевода Эренбурга и Жаботинского, два полноценных поэтических произведения с той лишь разницей, что перевод Эренбурга более рационален, перевод же Жаботинского, - более эмоционален и парадоксален. И это действительно так, особенно если учесть время, когда он был сделан. Идет 1932 год. В Жаботинский живет в Париже в очень напряженное для него время. Он добивается от Сионистского конгресса признания и необходимости создания еврейского государства на территории Палестины. Именно в эти напряженнейшие для него дни, как отмечает биограф Жаботинского Шмуэль Кац, - он обрывает все свои политические обязательства: лекции, выступления перед членами конгресса, все партийные дела; перестает отвечать на письма, запирает дверь перед яростью политических битв и позволяет себе роскошь литературного и философского творчества, точнее: переводит "Балладу поэтического состязания в Блуа" Франсуа Вийона. Чем она так его привлекает? Не находится ли причина в ключевой фразе поэмы: "Я званный гость у всех, для всех изгой"? - этим самым как бы подчеркивая, что евреем нужна своя страна, и не где-нибудь в Африке, как это многими тогда предлагалось, а на своей исторической родине. Примечательно, что, в свое время, основоположник современного сионизма Теодор Герцль, выступая перед членами конгресса, говорит следующее: "Напрасно мы трудимся ради прославления стран, в которых родились, напрасно гордимся нашими успехами в искусстве и науке, напрасно мы трудимся, умножая богатства... Нас считают чужими..."

Призыв, перестать быть изгоями и чужими в местах своего проживания был услышен и претворен в жизнь шестьдесят лет спустя. Не в этом ли сила поэзии?

Франсуа Вийон.
Гравюра из издания
"Большого завещания"
1489 г.

Ученики еврейской воскресной школы ЙОМ РИШОН собрали деньги на посадку деревьев в Израиле к празднику ТУ БИ-ШВАТ и высыпали их в Еврейский национальный фонд. Этой традиции не так уж много лет, но истоки ее в Торе: "Когда войдете в Страну, сажайте в ней плодоносные деревья". Теперь на земле Израиля у школы будет свое собственное дерево. Приятно отметить, что не только школа, но и еще несколько петрозаводчан уже сделали свой вклад в благородное дело озеленения Святой Земли, помочь людям, возрождающим духовную родину евреев.

В самом конце 2010 года в израильском городе Ашкелоне прошла торжественная церемония вручения литературной премии им. Давида Самойлова, учрежденной Союзом русскоязычных писателей Израиля. Традиционно литературные премии вручаются в Тель-Авиве, но на этот раз вручение премий состоялось в ашкелонском зале "Бейт Ам". Премии лауреатам вручил председатель Федерации Союзов писателей Израиля, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля Эфраим Баух. Среди лауреатов - поэтесса Татьяна Шапиро, бывшая петрозаводчанка, очень плодотворно работающая в трудном жанре детской поэзии. Только в 2009 году у нее в различных издательствах вышли 16 (!) книжек. Интересно отметить, что Татьяна давно уже сотрудничает с композитором Дмитрием Цвибелием - ими написаны несколько циклов песен на английском языке, цикл песен "С добрым утром, ребята Карелии" и др. Многие песни уже изданы различными издательствами, специализирующимися на детской

литературе, некоторые из них записаны на аудиодиски детскими коллективами. Мы поздравляем Татьяну Шапиро, нашу соотечественницу, желаем ей вдохновения и ждем новых изданий ее произведений.

Михаил Гольденберг, директор Карельского государственного краеведческого музея стал Лауреатом 2010 года Республики Карелия. Это звание он заслужил за вклад в сохранение историко-культурного наследия, развитие музейного дела и большую работу по реализации программ празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и 90-летия Республики Карелия. В рамках празднования 65-летия Победы музей провел ряд крупных мероприятий: выставки, круглые столы, презентации. А накануне Нового года Главный федеральный инспектор в Республике Карелия Аппарата Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном Федеральном округе Александр Хюнинен вручил музею памятную медаль "65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", учрежденную указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2009 года № 238. В документе о вручении Российской организационным комитетом "Победа" памятной медали Карельскому государственному краеведческому музею, подписанном Президентом Дмитрием Медведевым, отмечается, что эта награда "... за активную работу с ветеранами, участие в патриотическом воспитании граждан и большой вклад в подготовку и проведение юбилея Победы".

Михаил Гольденберг известен и своими программами обучения преподавателей школ республики по теме Холокоста.

Еврейская община выражает благодарность КИРИЛЛУ НЕЙМАНУ за взнос в благотворительный фонд общины

Наша кухня

Запеканка овощная

Морковь 70 г, репа 30 г, капуста белокочанная 50 г, молоко 0,1 л, масло сливочное 15 г, мука пшеничная 10 г, изюм 20 г, чернослив 10 г, сахар 10 г, корица 0,1 г, соль 4 г.

Очищенные и нарезанные коренья и капусту припустить с маслом в небольшом количестве подсоленной воды, после чего откинуть на сито. Приготовить подливу: муку развести горячим молоком при непрерывном помешивании до исчезновения комков, после чего проварить в течение 10 минут. Припущенные овощи переложить на смазанный маслом противень, добавить промытый изюм и чернослив, посыпать сахаром и корицей, залить подливой и в духовке довести до готовности. Перед подачей на стол полить сливочным маслом.

Запеканка с морковью и чесноком

Морковь 8 шт., картофель крупный 1 шт., яйца 5 шт., мука 4 ложки, укроп мелконарезанный 1/2 стакана, чеснок 3 зубчика, черный перец по вкусу, белый перец по вкусу, соль по вкусу, масло растительное 2 ложки, манная крупа для обсыпки противеня 1 ложка.

Нагреть духовку до средней температуры. Положить морковь и картофель в кастрюлю, налить воду, чтобы покрыла овощи, и варить до готовности. Сливать воду, переложить овощи в большую миску и натереть на мелкой терке. Добавить взбитые яйца, муку, укроп, раздавленный чеснок и перемешать.

Смазать противень, посыпать манкой. Выложить приготовленную смесь. Выровнять. Сбрзнуть запеканку оставшимся маслом и выпекать 45 минут.

Свекольная запеканка

Свекла 1 шт., масло сливочное 2 - 3 столовые ложки, яйца 2-3 шт., сахар 1 чайная ложка, мука из мацы 2 - 3 столовые ложки, сода, перец, соль.

Испечь или сварить в кожуре свеклу, очистить ее, натереть на мелкой терке, добавить 2 столовые ложки масла, яйца, сахар, муку, чуть-чуть соды, соль, перец по вкусу. Все хорошо перемешать. Выложить в обильно смазанную маслом и обсыпанную мукой форму. Поверхность выровнять, полить оставшимся жиром и посыпать мукой. Выпекать в духовом шкафу при средней температуре. Готовую запеканку немного остудить, выложить на блюдо. При подаче на стол полить сливочным маслом.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

БОЙСЯ ТОЛЬКО БОГА
И ТОГО,
КТО НЕ БОИТСЯ ЕГО

Иуда Лазеров

ХЭСЭД АГАМИМ ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ГРОССМАН Марту Петровну

МАЛИНЕНКО Инну Аврамовну

ГУТЦАЙТА Валерия Леонидовича

ЗИЛЬБЕРА Анатолия Петровича

ЦЕХАНОВИЧА Бориса Соломоновича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!